

БОЛЬШАЯ
КНИГА
УЖАСОВ

Мария Некрасова

Призрак из заброшки

Проклятое место

Следы в темноте

БОЛЬШАЯ
КНИГА
УЖАСОВ

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н48

Некрасова, Мария Евгеньевна.

Н48 Большая книга ужасов 90. Призрак из заброшки; Проклятое место; Следы в темноте / Мария Некрасова. — Москва : Эксмо, 2023. — 384 с. — (Большая книга ужасов).

ISBN 978-5-04-159477-0

Призраки, ведьмы, монстры. Они живут рядом с нами, но большинство людей об их существовании не догадывается. Некоторым везёт – и они спокойно проживают свою человеческую жизнь, веря в законы физики и здравого смысла. Некоторым – нет.

Героям этой книги не повезло тоже. Они оказываются в нехороших, опасных, проклятых местах, где встречаются с невероятным, с нормальной точки зрения, злом. И это зло голодно... Для читателей от 14 лет.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-159477-0

© Некрасова М., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Призрак из заброшки

Глава I

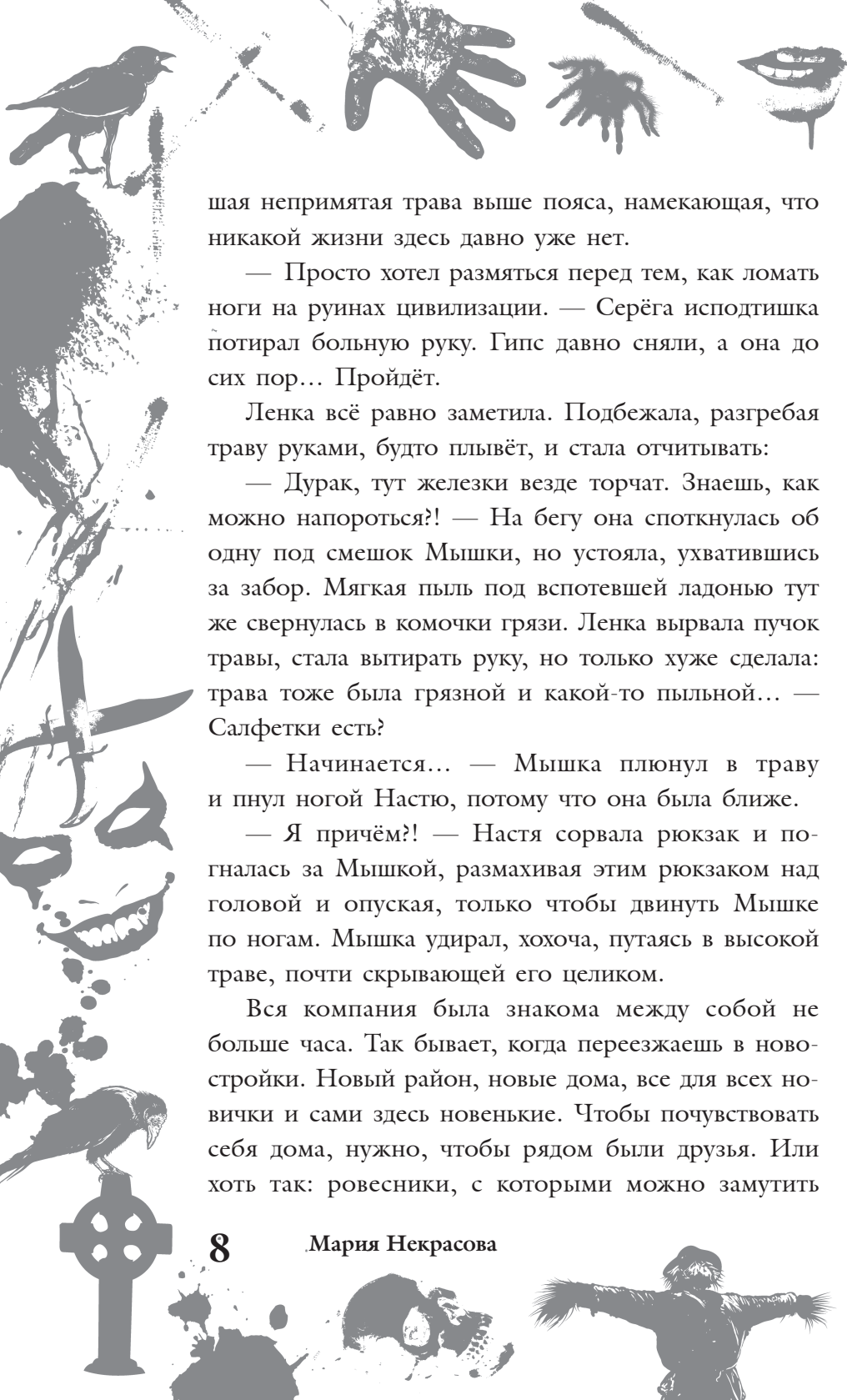
В бетонном заборе с толстым слоем городской пыли была такая пробоина, что можно было пройти насквозь не нагибаясь. Конечно, Серёга её проигнорировал и полез через забор. Разбежался с пяти шагов, поставил ногу на бетонную плиту, похожую на коробку из-под яиц из-за этих своих выпуклых ячеек. Перемахнул через забор и шумно плюхнулся на ноги по ту сторону.

— Цирк приехал, — оценил Ваня. — Трепещи, заброшка, сейчас акробат не оставит камня на камне!

Он уже стоял на территории вместе с остальными (что он, дурак, лезть через забор там, где можно спокойно пройти?) и рассматривал руины.

Низкие корпуса красного кирпича уходили далеко, насколько хватало глаз. Как будто целый город, только необитаемый. Тут и там в небо тянулись трубы всех форм и размеров, от тоненьких ржавых до здоровенных, таких толстых, что вся компания проскочила бы со свистом, как Алиса в кроличью нору. На крышах низких корпусов — зелёный мох бесконечным ковром. Будто кто-то специально замаскировал, чтобы не было видно с вертолётa. Тут и там валялась арматура, битый кирпич, огромная ржавая коробка, возможно — бывший станок. И пожелтев-

шая непримятая трава выше пояса, намекающая, что никакой жизни здесь давно уже нет.

— Просто хотел размяться перед тем, как ломать ноги на руинах цивилизации. — Серёга исподтишка потирал больную руку. Гипс давно сняли, а она до сих пор... Пройдёт.

Ленка всё равно заметила. Подбежала, разгребая траву руками, будто плывёт, и стала отчитывать:

— Дурак, тут железки везде торчат. Знаешь, как можно напороться?! — На бегу она споткнулась об одну под смешок Мышки, но устояла, ухватившись за забор. Мягкая пыль под вспотевшей ладонью тут же свернулась в комочки грязи. Ленка вырвала пучок травы, стала вытирать руку, но только хуже сделала: трава тоже была грязной и какой-то пыльной... — Салфетки есть?

— Начинается... — Мышка плюнул в траву и пнул ногой Настю, потому что она была ближе.

— Я причём?! — Настя сорвала рюкзак и погналась за Мышкой, размахивая этим рюкзаком над головой и опуская, только чтобы двинуть Мышке по ногам. Мышка удирает, хохоча, путаясь в высокой траве, почти скрывающей его целиком.

Вся компания была знакома между собой не больше часа. Так бывает, когда переезжаешь в новостройки. Новый район, новые дома, все для всех новички и сами здесь новенькие. Чтобы почувствовать себя дома, нужно, чтобы рядом были друзья. Или хоть так: ровесники, с которыми можно замутить

что-нибудь весёлое, например, полазить по во-он той загадочной заброшке.

Идея была Мышкина, но поддержали её сразу все, Мышка не ожидал такого энтузиазма. Даже девчонки не испугались, наоборот: одна побежала за фотоаппаратом («Только дождитесь меня!»), другая принялась рассказывать, что заброшка эта — кондитерская фабрика, закрытая двадцать лет назад, что про неё в Сети куча страшилок, одна другой глупее... Вот откуда знает, а?

Мышка пробежал шагов десять, пока заметил, что больше за ним никто не гонится. Сперва увидел, как лыбится Ваня, глядя на него, а уж потом обернулся.

Настя стояла неподалёку, держа в опущенной руке оружие-рюкзак, и сосредоточенно разглядывала что-то на земле. Там, где своих ног-то из-за травы не видно. Мышка даже обиделся на секунду.

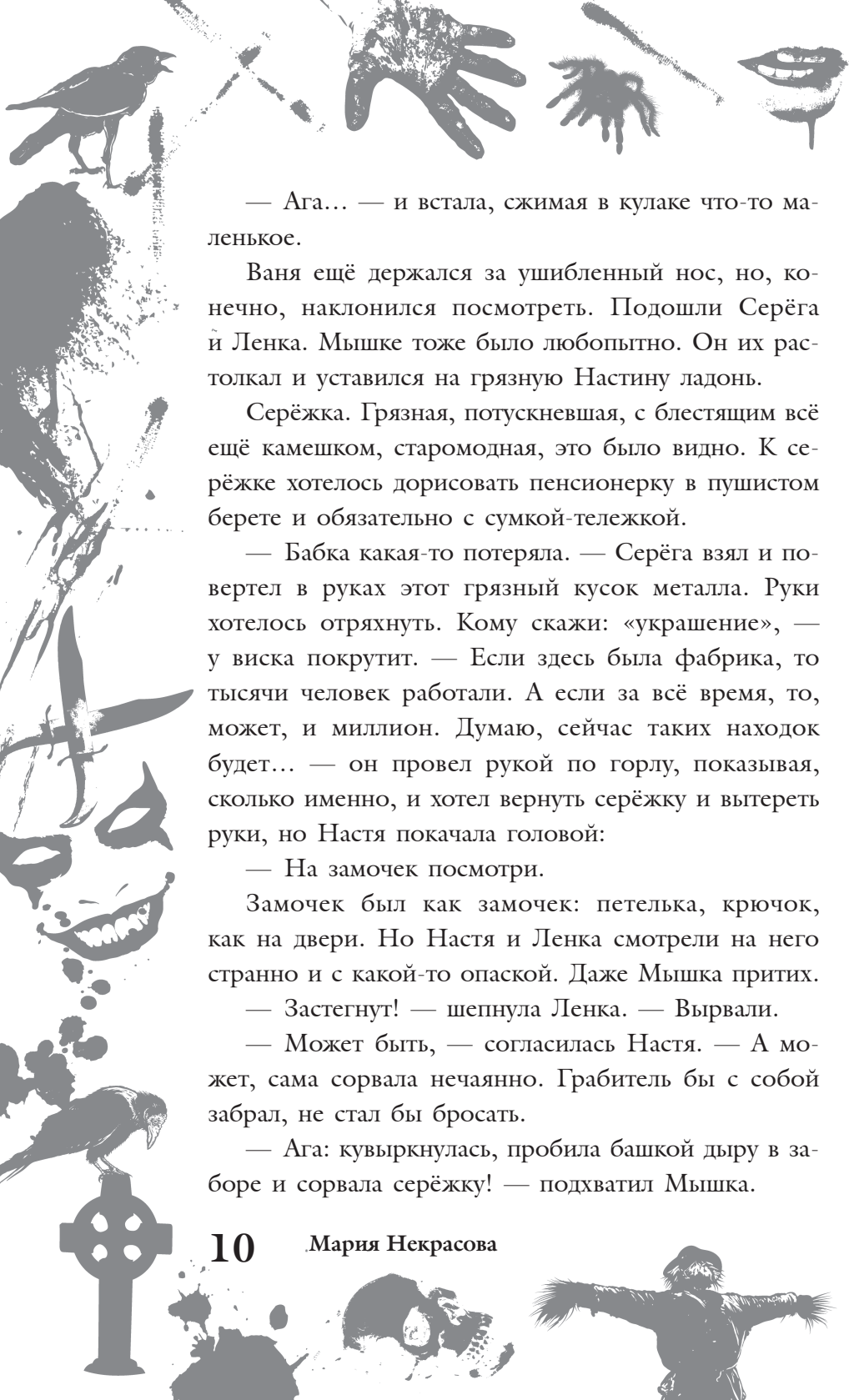
— Я тут вообще-то! Очки протри!

— Да погоди ты! — Настя присела на корточки, так, что было видать только её макушку со смешно торчащими в разные стороны кудрями-антеннами, и зашарила руками по земле. Вот это было уже обидно. Мышка завопил:

— Кла-ад! — подбежал и дёрнул её за шиворот, чтобы села совсем.

Она села, едва не кувыркнувшись спиной вперёд. Над травой взметнулся её кулак, уже испачканный в земле, зацепил по носу Ваню, подошедшего посмотреть, что там. Ваня коротко взвыл и отпрянул. А Настя только буркнула:

— Ага... — и встала, сжимая в кулаке что-то маленькое.

Ваня ещё держался за ушибленный нос, но, конечно, наклонился посмотреть. Подошли Серёга и Ленка. Мышке тоже было любопытно. Он их растолкал и уставился на грязную Настину ладонь.

Серёжка. Грязная, потускневшая, с блестящим всё ещё камешком, старомодная, это было видно. К серёжке хотелось дорисовать пенсионерку в пушистом берете и обязательно с сумкой-тележкой.

— Бабка какая-то потеряла. — Серёга взял и повертел в руках этот грязный кусок металла. Руки хотелось отряхнуть. Кому скажи: «украшение», — у виска покрутит. — Если здесь была фабрика, то тысячи человек работали. А если за всё время, то может, и миллион. Думаю, сейчас таких находок будет... — он провел рукой по горлу, показывая, сколько именно, и хотел вернуть серёжку и вытереть руки, но Настя покачала головой:

— На замочек посмотри.

Замочек был как замочек: петелька, крючок, как на двери. Но Настя и Ленка смотрели на него странно и с какой-то опаской. Даже Мышка притих.

— Застегнут! — шепнула Ленка. — Вырвали.

— Может быть, — согласилась Настя. — А может, сама сорвала нечаянно. Грабитель бы с собой забрал, не стал бы бросать.

— Ага: кувыркнулась, пробила башкой дыру в заборе и сорвала серёжку! — подхватил Мышка.

— Да какая теперь разница, небось, сто лет прошло! Любите вы, девчонки выдумывать страшилки, сами себя пугать! — Ваня лукавил: заброшка его пугала. Огромная, как целый город, жутковатая даже издалека. Один бы он сюда в жизни не пошёл.

— В любом случае, у тебя ещё будет куча возможностей пофантазировать и побояться. Пойдёмте уже!

Настя кивнула, сунула серёжку в карман, и ребята пошли в сторону корпусов. Земли было толком не видать под этими зарослями, но мелкий мусор, какого обычно полно на таких заброшках, под ноги не попадался. Нет, арматуры, битого кирпича и всякого строительного хватало. А вот обычных человеческих следов: пластиковых бутылок, даже окурков, на земле не было. Ваня первый это заметил:

— Давненько здесь не ступала нога человека.

— Они прячутся в норы! — хихикнул Мышка.

— Как ты, что ли? Да ну! Просто нелюбопытный нынче народ пошёл. Все в телефонах своих сидят, нос поднять ленятся! — последнее он прошептал старушечьим голосом.

Впереди был низкий одноэтажный корпус. Покоцанная старая стена без единой надписи, почти целая деревянная дверь. Даже крыльцо какое-то чистое, словно выметено, не вчера, но недавно. Металлические перила целы, не погнуты. Дверная ручка блестит, отполированная тысячами рук, и табличка на двери «Учебные классы».

— Это точно заброшка, а? — Ленка вопросительно уставилась на дверь. — Я не хочу, чтобы выскочил какой-нибудь охранник и всыпал нам.

— Охранник траву бы покосил... — Ваня рассеянно колупнул краску на перилах. — Совсем зажрались бродяги, даже на металлолом не срезали.

— Новый район, не обжились ещё... — буркнула Настя. — Что-то мне уже не по себе.

— Боишься, что этот, вырвавший серёжку у старухи, ещё здесь? Живёт в глуши, крылечко подметает... — Мышка вырвал пучок травы и замахал, будто правда пытается подмести крыльцо. Его кривляния никого не впечатлили, наверное, каждый думал об одном: заброшка какая-то не заброшенная. Как будто здесь и правда кто-то следит за бывшей фабрикой, не пускает бродяг мусорить и срезать перила на металлолом...

— Может, ну его, а? У меня новый фильм закачан...

— Не дрейфь, Ваня, в крайнем случае, убежим.

Глава II

Настя

Насте нравился её двадцатый этаж. Игрушечные машинки, как будто из магазина, люди-муравьи, собаки — совсем крошечные и совсем не опас-

ные. И дома. Дома нормального человеческого размера. Если смотреть с балкона двадцатого этажа, они не нависали над ней угрюмыми, серыми, будто могольные плиты, камнями, нет. Они были почти нормальные, почти такие, как положено домам: чтобы окна на уровне глаз и крышу видно. Если смотреть прямо, далеко-далеко, где ниточка шоссе пересекает железнодорожный переезд с игрушечными поездами и совсем не видимыми людьми и собаками, уходит в щетину леса и пропадает там...

Насте кажется, что если взять мамины очки, «дальнобойные», как она их называет, то за лесом, ещё чуть дальше по ниточке, можно будет разглядеть строительный рынок с его здоровенными яркими плакатами, кафешку с аляповатой вывеской (когда темнеет, на ней загораются лампочки), а уж за ней, в низине, в самой темноте, потому что ночью это шоссе не освещается, их старый дом.

Он стоит у самого шоссе в длинном ряду таких же маленьких, уютных, провожающих машины далеко за город. Соседка — тётя Клава по утрам выносит к дороге вёдра со срезанными цветами и здоровенными розовыми яблоками. Садится рядом на раскладную табуреточку и ждёт, пока кому-то из проезжающих понадобятся цветы или яблоки. Сейчас уже, наверное, к цветам и яблокам добавились грибы из леса: маленькие баночки с солёными, бусы из сухёных и просто срезанные, разложенные на газетке

прямо на земле. Немного: Тётьклава редко ходит по грибы, вот Настя с дедушкой...

Пока он был жив, они пропадали в лесу весь август и половину осени, потому что кому-то всё-таки надо было ходить в школу. Настя без будильника вскакивала поутру, натягивала заготовленный с вечера «энцефалитный костюм», как дед его называл, — просто специальная одежда с защитой от клещей, бежала на кухню. Дед был уже там. Делал им в дорогу бутерброды с огурцом и варёной колбасой и ворчал, что Настя все грибы проспит.

В младших классах она пыталась ставить будильник: на пять, даже на четыре утра... Нет, вставала, вскакивала, одевалась, выбегала на кухню, в надежде, что уж в этот раз она будет первой... Дед так же сидел там, помешивая ложечкой цикорий в чашке, и ворчал, что Настя долго спит. Долго, класса до третьего, она пыталась встать раньше деда, но задача оказалась невыполнимой.

Они наскоро завтракали, дед заводил свой старый мотоцикл, «драндулет», как он его называл, и начиналась жизнь. Не та, где школа, уроки и сериал, потому что делать нечего, а другая, настоящая. Где мчишься на мотоцикле по почти пустому утреннему шоссе, с разгону влетаешь в лес. На лесных ухабах дед только чуть снижает скорость, чтобы близорукая Настя могла разглядеть, где спрячутся грибы. У него шуршащая болоньевая куртка, которой, наверное, сто лет. Настя едет, вцепившись в неё, чтобы не свалиться на лесной дороге, и со всех сторон, и от самой

куртки, к ней стекаются волшебные лесные запахи: хвоя, грибы, прелые листья. Дед ворчит: «Плохие грибы в этом году, сами в корзину не прыгают», — Настя смеётся, хотя слышит это в сотысячный раз. Это как пароль. Их пароль. Это значит, что дед заметил грибную поляну, а Настя ещё не видит...

Она бежит глазами, выглядывая из-за дедовой спины, бормочет глупое детское заклинание: «Грибочек-грибочек, айда ко мне в мешочек», — и оно всегда срабатывает, всегда! Настя различает на земле оранжевые шляпки, вопит деду в ухо: «Во-он!» Он ворчит, что оглохнет из-за неё, и это тоже его дежурная шутка-пароль, дед уже плохо слышит. Он тормозит, выдаёт Насте розовый малышачий кузовок, себе берёт здоровенный зелёный, и они бегут наперегонки срезать грибы.

В лесу ещё было почти темно в это время, их полянку освещала только фара драндулета, и та вечно грязная, а дед видел всё. Соседи ворчали, что после них в лес ходить бесполезно, и это было правдой. Насте казалось, что от деда не спрячется ни один грибочек, что у него какое-то специальное грибное зрение или вроде того. Дед утверждал, что чует грибы, как пёс охотничий, Настя смеялась. Класса до пятого смеялась, пока не заметила, что дед и правда как-то замечает их с большого расстояния и почти в темноте. Может, это и было чутьё грибника, о котором пишут в интернете, может, ещё что-то.

Они катались по лесу до самого обеда. Дед не успокаивался, пока не набивал полные кузовки и последний пакетик, завалившийся в бесчисленных карманах его древней куртки. Тогда они садились на поваленное дерево или пеньки, что было, дед доставал приготовленные с утра бутерброды. Они уже успевали слежаться, пропитаться влагой огурца, приобрести тот волшебный вкус «подарка от лисички». Давно, когда Настя была совсем маленькой и дед ещё не брал её за грибами, он приносил ей оставшиеся бутерброды и говорил: «От лисички». Она верила, пока не выросла и не узнала секрет. Но вкус-то не изменился!

Они ели, и дед рассказывал всякое интересное про грибы, лес и по сотому разу пересказывал, как он мелким заблудился в этом лесу, хотя лес был в разы меньше, чем теперь. Заблудился, вышел с другого конца, к железной дороге, да и сел на поезд, решив, что уж он-то до дому довезёт... Настя смеялась, потому что дед смешно рассказывал, жевала лежалый бутерброд и чувствовала, что вот это вот и есть настоящая жизнь. Не та жизнь школьной ботанички с вечно перемазанными ручкой ладонями. Не та, где самая большая опасность получить двойку или очередную колкость от школьных красавиц, ерунда это всё. Лес — это настоящее. Здесь можно пропасть, даже в таком маленьком, можно заблудиться и никогда не выйти, можно даже наткнуться на бешеную лисицу, от бешенства, между прочим, умирают. А можно кататься на верном драндулете пол-

дня, чтобы вернуться домой с полными кузовками грибов.

Настя любила лес. Конечно, благодаря деду. Мать даже ворчала иногда, что дедушка делает из ребёнка лешего или знахарку-травницу, а девочке учиться надо... Но это она всегда так. Просто, чтобы поворчать. Матери нужно ворчать, как Насте нужны дед и лес. Настя всегда хорошо училась, опять-таки благодаря деду. Он объяснял ей дробь на апельсине, откуда-то знал (или сам сочинял?) смешные стихи-запоминалки по русскому и географии, а однажды привязал к скейту взболтанную бутылку газировки, чтобы наглядно показать закон физики. Весь двор залил сладкой водой, и мать опять ворчала. У них даже был тайный язык, долго, до первого класса, пока Настя не пошла в школу и не поняла, что это английский. Рёву было!

Всё кончилось минувшим летом. Крепкий лесной неубиваемый дед сгорел за месяц от какой-то стариковской болячки. Мать хотела отправить Настю в летний лагерь, чтобы она не видела этих раскрашенных медсестер с уколами и длиннющими акриловыми ногтями, которыми непонятно как в носу ковырять, не то что вскрыть ампулу с лекарством. Насте всё время хотелось рассыпать по столу иголки или пластиковые карточки, чтобы посмотреть, как они это собирать будут с такими ногтями. ...Чтобы Настя не видела эту дыбу-капельницу с облупленной краской и это чужое уже лицо с разгладившимися морщинами, но странно ещё более старое от этого.

Как будто дед нацепил хэллоуинскую маску и сейчас вскочит с воплем: «Бу!» Только нет.

Конечно, ни в какой лагерь она не поехала. Выслушала всё «Родители кучу денег отдали за путёвку, а ты не хочешь» и даже «Дедушка болеет, тобой некому заниматься», — десятиклассницам приходится выслушивать и не такую чушь. Не обошлось без скандала, но Настя сумела настоять на своём и последний месяц провела с дедом. Ей, как маленькой, пытались втолковать, что он поправится, и она даже верила, потому что нельзя не верить. Она даже находила в себе силы рассыпать по столу всякие плоские мелочи, чтобы потроллить когтистую медсестру, тем более что деда это забавляло. Разыскивать в Сети смешные мемы и всякие документалки о путешествиях, чтобы посмотреть вместе. Дед засыпал в самом начале фильма: он быстро уставал в тот месяц и больше спал, чем бодрствовал. Иногда Насте было даже неудобно: человек устал, чего она лезет со своими глупостями. Но не лезть она не могла. Она как будто скребла ложкой по дну, но ведь и дед тоже скрёб.

Но всё кончилось. Мать занавесила зеркала чёрными тряпками, примотала скотчем, потому что сквозняк. Скотч смотрелся нелепо, как их с матерью возня на кухне. Кажется, все полтора месяца они только и делали, что готовили: поминки, девять дней, сорок дней... Для Насти всё слилось в один огромный винегрет. Потом мать заявила, что не может больше жить в этом доме, что Насте нужно

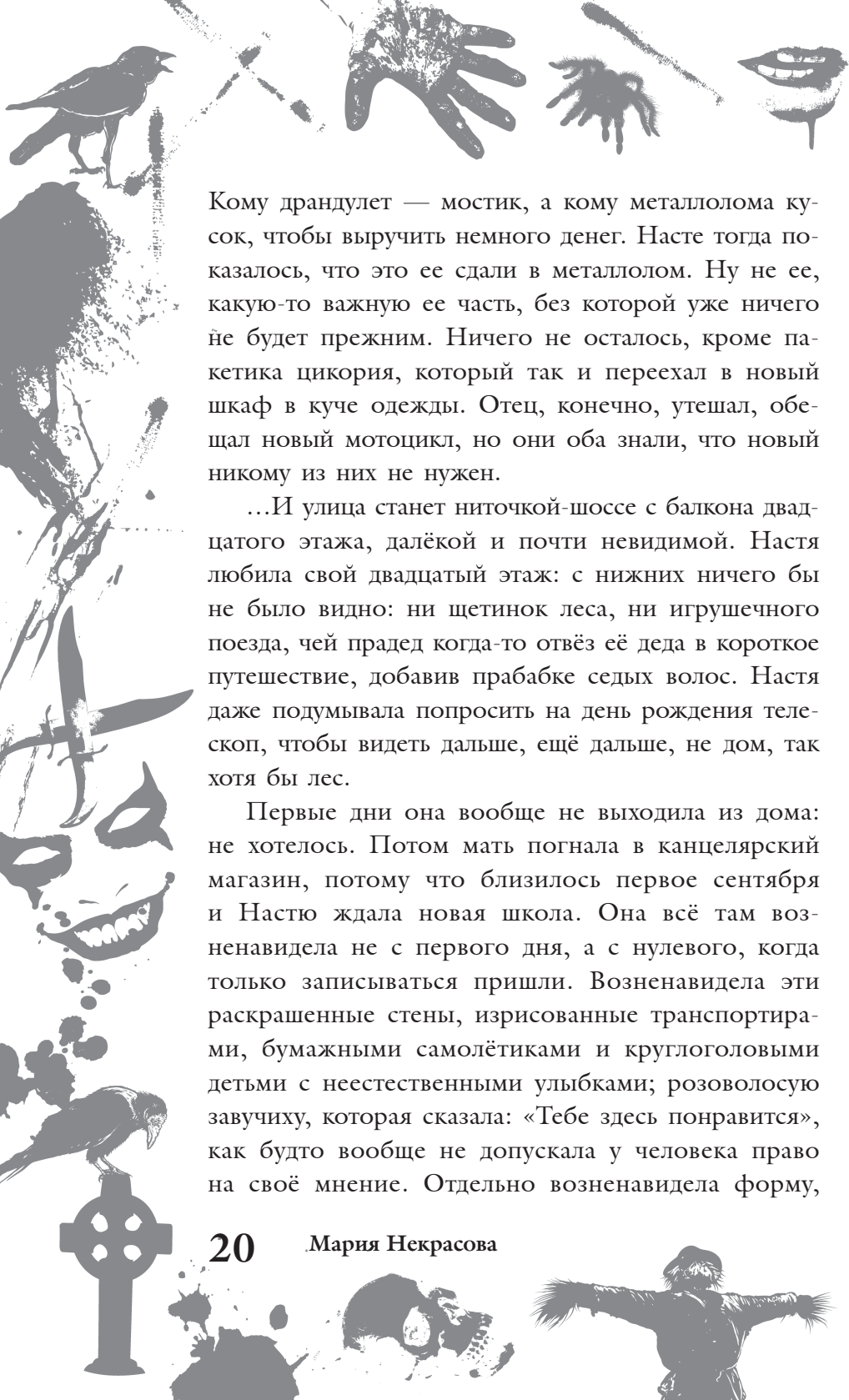

учиться, как будто она не училась, что надо продать дом и переезжать в город. Кажется, тогда Настя и поняла, что деда больше нет. И леса больше не будет. Не будет этих утренних поездок по безлюдной улице на драндулете.

...Самое обидное, что драндулет-то Настя отбила. Мать хотела продавать всё и сразу, чтобы новый дом, новая жизнь. Настя вцепилась и стала вопить, что без драндулета никуда не поедет. Он как припрятанная Настей в шкафу с одеждой пачка цикория, который никто, кроме деда, не пил, он был напоминалкой, всячим разболтанным мостиком между «нету» и «был». Отец встал на Настину сторону, только побоялся, что ей из-за зрения могут не дать права, но у него-то они были. Драндулет поехал с ними в эту жуткую новостройку, подпирающую небо, и даже пережил первую ночь на улице под окнами. Отец с Настей по очереди выбегали на балкон, чтобы посмотреть с двадцатого этажа на эту крошечную блоху в заставленном машинами дворе. Наутро отец выяснил, что место на подземной охраняемой парковке не то что дороже драндулета, а стоит как полквартиры. Поэтому место у драндулета, конечно, будет, но под открытым небом и без всякой охраны. А уже после следующей ночи на улице от мотоцикла осталась только лужица масла на асфальте.

Отец, конечно, орал, валил всё на работяг со стройки, которые вечно ковыряются в помойке в поисках строительного мусора и металлолома. Настя не хотела верить, но, скорее всего, отец был прав.

Кому драндулет — мостик, а кому металлолома кусок, чтобы выручить немного денег. Насте тогда показалось, что это ее сдали в металлолом. Ну не ее, какую-то важную ее часть, без которой уже ничего не будет прежним. Ничего не осталось, кроме пакетика цикория, который так и переехал в новый шкаф в куче одежды. Отец, конечно, утешал, обещал новый мотоцикл, но они оба знали, что новый никому из них не нужен.

...И улица станет ниточкой-шоссе с балкона двадцатого этажа, далёкой и почти невидимой. Настя любила свой двадцатый этаж: с нижних ничего бы не было видно: ни щетинок леса, ни игрушечного поезда, чей прадед когда-то отвёз её деда в короткое путешествие, добавив прабабке седых волос. Настя даже подумывала попросить на день рождения телескоп, чтобы видеть дальше, ещё дальше, не дом, так хотя бы лес.

Первые дни она вообще не выходила из дома: не хотелось. Потом мать погнала в канцелярский магазин, потому что близилось первое сентября и Настю ждала новая школа. Она всё там возненавидела не с первого дня, а с нулевого, когда только записываться пришли. Возненавидела эти раскрашенные стены, изрисованные транспортирами, бумажными самолётиками и круглоголовыми детьми с неестественными улыбками; розоволосую завучиху, которая сказала: «Тебе здесь понравится», как будто вообще не допускала у человека право на своё мнение. Отдельно возненавидела форму,

серую с дурацкой эмблемкой-нашивкой, как номер на робе заключённого. В старой школе было легче, привычнее. А теперь её не видно даже с двадцатого этажа.

Настя спустилась во двор и несколько секунд просто стояла у подъезда, глядя на непривычно большие машины, домины, подпирающие небо, пластиковую детскую площадку, странно яркую в этой серости. Детей на площадке не было: никто не катался с пластиковой горки, не скрипел качелями, не топал, не швырялся песком. Тихо, как на кладбище. Только одинокая мамаша с коляской сидела напротив пустой песочницы, уткнувшись в телефон. Ничего удивительного: новый район, половину домов еще не построили, а бóльшую часть построенных ещё не заселили. Настя с родителями одни на этаже, где четыре квартиры. И хорошо, и ладно.

Напротив мамашы через площадку, вполоборота к Насте сидел старичок и перебирал в руках что-то мелкое. Вид у него был чудаковатый: чуб из седых волос дыбом над блестящей плешью, футболка с олимпийским мишкой, Настя только в кино такие видела, даже у деда не было, разве что очень давно. Синие растянутые треники с дыркой, потрёпанные, какие-то жёсткие на вид кроссовки и совсем нелепый здесь и сейчас наброшенный на плечи грязноватый медицинский халат.

Старичок увлечённо перебирал что-то у себя на коленях и, кажется, напевал или бормотал под нос. Мамаша напротив не обращала на старичка никакого внимания: уткнулась в свой телефон, будто нет его здесь. Настя забегала глазами по площадке: где-то должен быть внук, за которым он присматривает, хотя откуда-то знала: нет здесь никакого внука. Старичок как будто явился из прошлого, не как все на свете старики с их старомодной одеждой и словечками, по-настоящему. Этому не хватало только шапочки-треуголки, сложенной из газеты. Тогда бы Настя точно сказала, что его вырезали из старого советского фильма и зачем-то посадили сюда.

Старичок провёл кулаком по скамейке, будто разглаживает бумажку, поднял голову и подмигнул. Что-то внутри Насти шевельнулось, какой-то мелкий прохладный страх, он пискнул: «Беги!» Старичок опустил глаза к своей невидимой бумажке, а Настя ещё слышала, как колотится сердце где-то в голове и почему-то в горле... «Чокнутый», — решила Настя. Она не могла сказать, почему она так решила, что-то было в его мимике, в лице, даже если не смотреть на старую одежду. И, да: смотреть на таких неловко и страшновато. Но как же трудно оторваться...

Мамаша на секунду подняла глаза на Настю, мол: «Чего тебе?» — и тут же опять уставилась в свой телефон. На старика она по-прежнему не обращала внимания: может, привыкла? Может, он здесь всегда, этакая местная достопримечательность?

— А ты так умеешь? — старичок сказал это себе под нос, будто ни к кому не обращаясь. А Настя всё равно вздрогнула. Голос был высокий, какой-то не стариковский... Захотелось сорваться и убежать, но как-то неловко. Не то чтобы Настя робела перед стариками, но невежливо убежать, когда к тебе обращаются.

— Иди, чего покажу! — он поднял голову и поманил Настю пальцем.

Миллионам девчонок и мальчишек миллионы взрослых по миллиону раз талдычат: «Не разговаривай с незнакомыми, не подходи, если зовут. Особенно, если эти незнакомые сидят на детской площадке без детей». Настя уже большая. Она всё это слышала не миллион, а два миллиона раз. Она у себя во дворе, пусть и новом. На эту площадку выходят окна, наверное, тысячи квартир окрестных домов. У неё свидетель — мамаша с коляской. И ещё какое-то странное любопытство, которого нельзя ослушаться.

Настя подошла к старику и присела рядом на лавочку. В лицо пахло стиральным порошком и цикорием. Настя хранила этот дедов пакетик в шкафу со своей одеждой. Наверное, сама же...

— Смотри, какая красота. — На лавочке перед стариком лежала стопка разглаженных фантиков от конфет. Рядом — те же фантики, но свёрнутые в узкие полоски. Старик брал полоски по одной и, чудно переплетая, сгибая, где надо, собирал причудливое лоскутное одеяло, полоску пошире, состоящую

из десятков маленьких, перегнутых-перекрученных между собой: будущую закладку для книги.

В горле встал ком. По вечерам, не в этой квартире, а далеко и давно, за лесом, в прошлой жизни, когда все дела переделаны и ужин давно съеден, а ночной дождь только просыпается, они садились пить чай. Мать ворчала, но заваривала несколько маленьких чайников, чтобы каждому его любимый, отец кромсал колбасу на бутерброды, кусками с палец толщиной, а дед доставал жестянку с конфетами. Огромную, наверное, трёхлитровую с надписью «Мука», древнюю и грязноватую, но Настя считала её волшебной. Там всегда были конфеты, много, разных. Дед сам по выходным катался в торговый центр, набирал по горстке таких и сяких, чтобы дома ссыпать в эту бездонную банку, перемешать, потрясти, изображая какой-то музыкальный инструмент.

Пока пили чай, дед собирал у всех фантики, складывал вот так же полосочками, а потом они с Настей сворачивали из них чудные косички: длинные тонкие или, наоборот, пошире, их использовали как книжные закладки или просто вешали поверх штор, красиво. Только были они недолговечны.

Глотая упрямый ком, Настя берёт фантик и сворачивает в полосочку. Незнакомый чудной старик берёт у неё полосочку и вплетает в общую косу. Настя больше не видит перед собой ни детской площадки, ни ошалевшей мамы, которая смотрит на неё круглыми глазами и, кажется, что-то говорит, и даже кричит, её больше нет. Насте кажется, что

она помнит у деда и эту футболку с мишкой, и треники, а халат — это чтобы на солнце не обгореть, он только что в огороде работал, там солнышко злущее, Настя тоже вон обгорела с утра. Новенькая, ещё пахнувшая краской лавочка превращается в поцаннный кухонный стол, оставшийся в прошлой жизни. Настя даже видит вытертые цветочки на клеёнке. Все хорошо. Всё как надо, как должно было быть, всё, как будто не случилось того, что не должно было... Она складывает фантики в тонкие полосочки и, кажется, даже чувствует послевкусие конфет. Такие она ещё не пробовала, дед всегда покупал что-то новенькое.

...Миллионам девчонок и мальчишек миллионы взрослых по миллиону раз талдычат: «Не разговаривай с незнакомыми». Они болтали, наверное, несколько часов. Настя не помнит, о чём. Ни слова. Помнит, что было спокойно, что было легко, как раньше, а больше ничего. Даже не помнит, как этот старик ушёл, она как будто проснулась на лавочке с книжной закладкой, сплетённой из фантиков. Это был хороший сон.

Мамаши уже не было, Настя и не заметила, как она ушла, вокруг носились дети, радостно перебиваясь, как будто рубильник включили, ведь секунду назад была тишина. Может, она правда уснула? Но кошечка из фантиков лежала в руке.

Зазвонил телефон: мать. Толком не проснувшись, Настя слушает, что ещё там, кроме канцелярщины, надо купить. И запоминает сразу, она умеет за-

поминать, для этого надо сочинять стихи, как дед учил. Забавный старикан. Чокнутый он там или нет, а Настю он утешил. Надо было хоть спросить, как зовут, да ушёл он незаметно.

Поход в канцелярский магазин здорово прибавил настроения. Разве есть на свете человек, которому не нравится запах новеньких тетрадок, не нравится подолгу эти тетрадки перебирать, рассматривая рисунки на обложках, щёлкать кнопочками новеньких ручек, расписывать их на специальной бумажке рядом с кассиром и обязательно нарисовать там какую-нибудь ерунду, чтобы все смеялись.

Дома Настя перебирала покупки и напевала под нос, раскладывая на столе новенькие ручки-тетради. Она даже прикупила красивых закладок для книг, они лежали отдельно в верхнем ящике, ждали своих учебников. Крокодил для физики (назову его Гоша, потому что у него такое лицо), павиан для химии, очковый медведь для литры, смешные рожицы для всего остального. Одной не хватало. Специально не хватало, Настя-то помнит, сколько у неё предметов, и что одна закладка уже есть. Она лезет в карман за косичкой из фантиков, которую они утром сплели со странным стариком. Но косички нет. Настя нащупывает в кармане только пачку маленьких бумажек. Достает.

Фантики. Стопка фантиков, гладеньких, непримятых, будто выглаженных утюгом, это не косичка

распелась. Настя вспоминает, что странный старик брал фантики из такой же вот стопки, ещё тогда удивилась: гладкие фантики, либо правда утюгом гладил, либо в них вообще никогда не было конфет. Она нюхает фантик, и он пахнет краской. Ни тени сладкого запаха, но ведь он недолго живёт. ...Те фантики они со стариком все извели на косичку. Но косички не было, была стопка фантиков.

Какой-то странный сегодня день. Отличное настроение, между прочим, никуда не девается. Настя вертит в руках эти бумажки, соображая, как такое могло получиться. Да она даже не помнит, как старик ушёл, очнулась одна с косичкой в руках, сунула в карман... На всякий случай, Настя обшаривает остальные карманы и пакет из канцелярского магазина, уже зная ответ. Какая-то ерунда. Может, она и правда задремала, как старуха, на лавочке, и всё приснилось? Или снится до сих пор, поэтому у неё такое хорошее настроение?

Настя плюхается за письменный стол, и пачка фантиков разлетается по столешнице. Странные. Она не видела таких. Ни одного знакомого сорта. Дед всегда покупал разные: и такие и сякие, ему было интересно, у него не было любимых сортов. Настя подносит один фантик к глазам и вглядывается в мелкий шрифт. Там обычно пишут: «Кондитерская фабрика такая-то город сякой-то»... Только с помощью лупы читает название кондитерской фабрики и забивает в поисковик. Свет мой, Гугл, скажи: не снится ли мне это?

Гугл радостно выдаёт адрес фабрики с пометкой «Больше не работает». Настя, привыкшая узнавать всё и в деталях, долго ковыряется в поисковике. Так долго, что за окном начинает смеркаться, и мать покрикивает всё чаще: «Отстань от компьютера, зрение пожалей». В конце концов, Настя отстаёт, только для того, чтобы выйти на балкон. Там, не в той стороне, где дом, а чуть правее и гораздо ближе, чернеет в сумерках огромная территория бывшей кондитерской фабрики. Она не работает уже двадцать лет.

Глава III

Серёга толкнул дверь. Ободранный пятнистый линолеум, голубые стены с облупившейся краской и темнота, как будто окон нет. Ребята вошли за ним и оказались в маленьком тесном коридорчике, нелепом для этого большого со стороны корпуса. Дверь захлопнулась, оглушительно звякнув проржавевшей пружиной, кажется, что-то хрустнуло, и всё — темно. Несколько секунд в коридоре стояла молчаливая возня: кто-то вжикнул молнией рюкзака, кто-то хлопал по карманам... Ленка первая достала телефон и осветила облезлый линолеум под ногами.

— Уф. Я уж думал, глаза лопнули. — Мышка тоже достал телефон и забегал лучом по облезлым

стенам. Краска на стенах шелушилась, как кожа, обгоревшая на солнце. Из-под чешуек виднелся почти чёрный бетон. Потолок, весь в ржавых подтёках, уходил далеко вверх. Впереди в луче фонаря виднелась обшарпанная, когда-то коричневая дверь.

— Идёмте уже, я так клаустрофобию зарабатую. — Ленка прошла к двери, потянула за ручку. Дверь поддалась, на секунду в коридорчик проник дневной свет. Она открывалась бесшумно, без скрипа и лязганья давно истлевшей пружины. Вдруг Ленка пошатнулась, послышался странный звук, будто кто-то хихикнул, и дверь бесшумно захлопнулась.

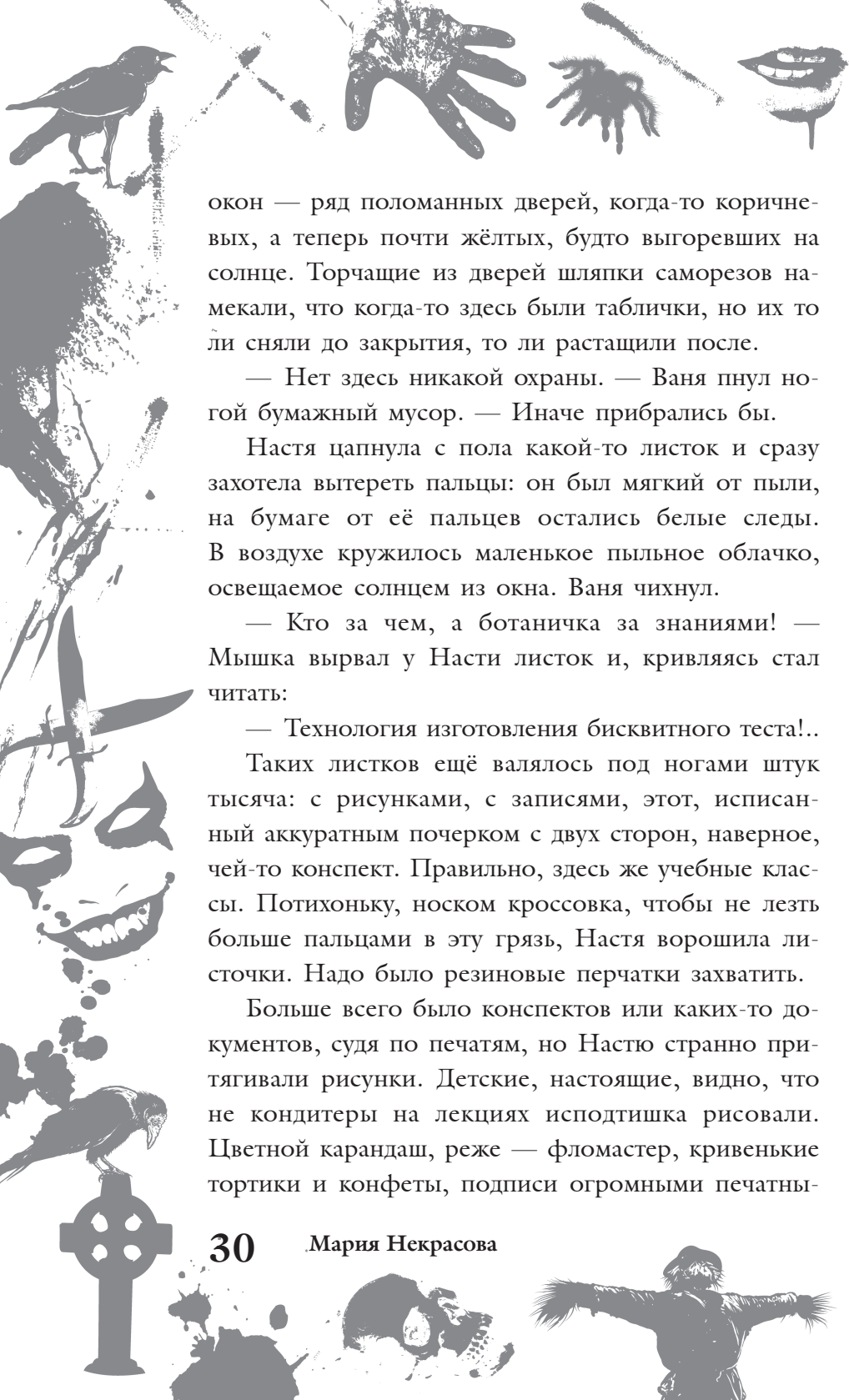
— Ой!

— Чего пугаешь! — Настя подняла телефон. В луче зажмурилась побледневшая Ленка. Ручка осталась у Ленки в руках, щетинясь ржавыми саморезами. В двери зияли две дырочки, сквозь них в коридорчик попадал дневной свет, тонувший в свете телефонов. Всё было видно, как белым днём: стены, пол, потолок и Мышкин прыщ на носу, а всё равно казалось, будто где-то что-то прячется.

— Хорош мебель ломать! — Серёга пальцами подцепил дверь, и ребята вышли в длинный светлый коридор.

Огромные окна без единого стёклышка освещали картину разрухи. Облезлые стены, без рисунков и надписей, а всё равно какие-то грязные, даже пыльные, зашарканный линолеум, усеянный пожелтевшей бумагой и разноцветными корочками, похожими на обложки книг. Справа напротив

окон — ряд поломанных дверей, когда-то коричневых, а теперь почти жёлтых, будто выгоревших на солнце. Торчащие из дверей шляпки саморезов намекали, что когда-то здесь были таблички, но их то ли сняли до закрытия, то ли растащили после.

— Нет здесь никакой охраны. — Ваня пнул ногой бумажный мусор. — Иначе прибрались бы.

Настя цапнула с пола какой-то листок и сразу захотела вытереть пальцы: он был мягкий от пыли, на бумаге от её пальцев остались белые следы. В воздухе кружилось маленькое пыльное облачко, освещаемое солнцем из окна. Ваня чихнул.

— Кто за чем, а ботаничка за знаниями! — Мышка вырвал у Насти листок и, кривляясь стал читать:

— Технология изготовления бисквитного теста!..

Таких листков ещё валялось под ногами штук тысяча: с рисунками, с записями, этот, исписанный аккуратным почерком с двух сторон, наверное, чей-то конспект. Правильно, здесь же учебные классы. Потихоньку, носком кроссовка, чтобы не лезть больше пальцами в эту грязь, Настя ворошила листочки. Надо было резиновые перчатки захватить.

Больше всего было конспектов или каких-то документов, судя по печатям, но Настю странно притягивали рисунки. Детские, настоящие, видно, что не кондитеры на лекциях исподтишка рисовали. Цветной карандаш, реже — фломастер, кривенькие тортики и конфеты, подписи огромными печатны-

ми буквами «Митя», «Вася», «Лена»... У «Мити» палочка в букве «и» повёрнута не в ту сторону.

Смотреть на рисунки было почему-то жутковато, казалось, что с этими детьми случилось что-то плохое, если их рисунки оказались здесь, в этих грязных руинах, в этом мусоре. Их место на холодильнике под магнетиком-черепашкой из Турции, в старой папке с верёвочками на антресолях, но не здесь...

— Они, небось, уже пенсионеры. — Серёга подглядывал через плечо. — Переверни, жутковато выглядит.

— При взбивании теста... Серый испугался нарисованных пирогов! Испугался, что не выдержит и слопаёт бумагу!.. — Мышка, наконец, прекратил читать конспект и с разбегу влетел в разбросанные по полу листки: — Не бойся, Серый, я тебя от них защитю! — Рисунки и конспекты ворохом разлетелись из-под его ног, подняв облако пыли. Мышка ещё и пробежался туда-сюда, взрывая бумагу, как сугроб.

Настя отшатнулась, закашлялась, Серёга молча погнался за Мышкой, на ходу пытаясь дать пинка. Ленка щёлкала фотоаппаратом, не их, а стены, руины, вот это вот всё. Ваня молча крутил пальцем у виска. Под ногами бегущих рвались и пачкались ещё больше кривенькие тортики, нарисованные неизвестными детьми.

— Хватит! — Насте казалось, что они делают что-то плохое, непоправимо плохое, о чём пожалеют потом...

Мышка замер с поднятой ногой, вопросительно глядя на Настю. Серёга, вместо того чтобы отвесить ему пинка, тоже замер на ходу. Наверное, она крикнула это слишком громко, слишком... Слишком.

— Тут ещё куча мест, где мы не были. — Настя кивнула на ряд закрытых дверей. — А вы всё пыль поднимаете. Мы так до утра всё не обойдём.

— Не обойдём, — легко согласился Серёга. — Площадь-то огромная. Если Ванина собака и правда забежала сюда...

— Пошли! — оборвал Ваня и дёрнул ближайшую дверь.

Бывший учебный класс выглядел как бывший учебный класс. Несколько уцелевших парт (явно когда-то их было больше), сломанные стулья, шкаф без дверей с выглядывающими корешками каких-то книг. На стенах — пыльные плакаты с рекламой конфет двадцатилетней давности.

— И здесь школа! — Мышка дурашливо взвизгнул и попытался запрыгнуть на руки Ленке.

— Она достанет тебя везде! — подхватил Серёга. — Сейчас выскочит призрак училки и заставит тебя отвечать без шпаргалки! — Он взмахнул руками и, кажется, зацепил шкаф. С открытой полки прямо Серёге под ноги вывалилась какая-то книга.

— Ну я ж говорил... — он поднял тяжёленький фолиант, открыл, скорее автоматически, чем от любопытства. — Альбом, ха-ха! У моей бабушки такой!

Ребята подошли посмотреть. То, что держал в руках Серёга, действительно напоминало древний бабушкин фотоальбом, даже обложка похожа. Красный бархатный переплёт, внутри — плотные листы бедно-зелёного картона со специальными полукруглыми вырезами под фотографии. На первой странице от руки фломастером было написано: «Карамельщики».

— Звучит как ругательство.

— Замолкни, карамельщик!

Напротив во весь лист красовалась чёрно-белая групповая фотография. Люди в белых халатах и смешных шапочках стоят вдоль ленты конвейера и улыбаются в камеру. Снимок был паршивенький и какой-то дырявый. Не смазанный, как часто бывает со старыми чёрно-белыми фотографиями, не с попавшим в кадр пальцем, размытым на полкартинки, не с капельками на линзе, какие пытаются выдать за призраков в старушечьих передачах про потустороннее. Именно дырявым. Белые халаты, как будто вырезанные на темном фоне цеха. Серые лица толком не разглядишь в этом жутком качестве. А некоторых людей просто нет. На их месте — белые пустые силуэты, как будто выжженные по трафарету какой-то химией.

Несколько секунд ребята смотрели на эти странные дыры, даже Мышка молчал. Вроде ерунда: в каком старом альбоме не найдётся испорченного снимка? Тогда на телефон не умели щёлкать, целая история была: фотоплёнка, проявитель, фиксаж. Ну не удалась фотка, не выбрасывать же! Но от этого снимка было неуютно. Чужие люди, возможно, давно умершие, и точно, что давно старые, на древней фотографии. ...И эти силуэты, как призраки. Как те, кого больше нет.

— Эти что, плохо работали, что ли? — Мышка поскрёб пальцем белый силуэт, будто надеясь, что от этого проявится картинка. — Им сказали: «Халтурщики не достойны быть на страницах нашего священного альбома!» — и вытравили.

Ленка потихоньку выдохнула, и, кажется, не она одна. Озвученная Мышкой мысль была проста, понятна, а главное — вероятна. Если чёрно-белая фотография, даже не «полароидная», то это ж какое время-то было! Ей бабушка рассказывала, как их не допускали на общую классную фотографию за бантики не того цвета. Да сама она сколько раз убирала в Фотошопе бывших подруг! А потом, когда мирились, возвращала обратно. Почему бы и нет? Просто «фотошопов» тогда ещё не было, приходилось действовать грубо.

— Может, они с фотографом поссорились. — Она хихикнула, и все разом ожили. Мышка цапнул альбом, шлёпнул им Серёгу и помчался от него через парты. Серёга наугад взял другую книгу и по-

бежал догонять, Ленка защёлкала фотоаппаратом, Настя и Ваня подхватили падающий шкаф, поставили и стали изучать содержимое.

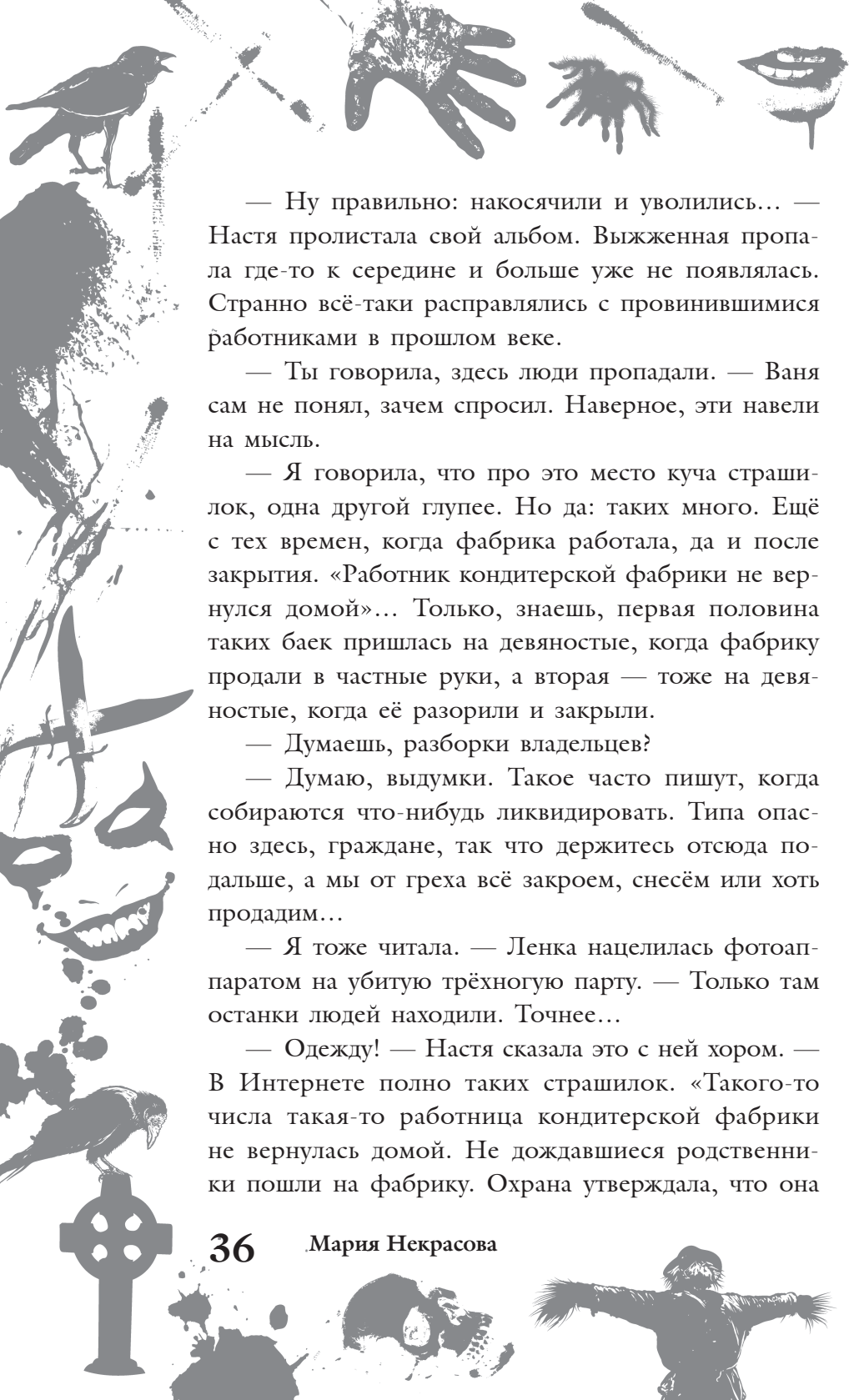
Парочка учебников, чьи-то конспекты и ещё несколько похожих альбомов. Должно быть, каждая бригада делала себе свой. Настя листала «Бисквитчиков». Тут были газетные вырезки, детские рисунки, дурацкие самодельные стихи и, конечно, старые чёрно-белые фотки. Много. По ним можно было наблюдать, как стареет каждый в бригаде: к середине альбома Настя уже начала их узнавать. И выжженный силуэт тоже. У «Бисквитчиков» такой был всего один, но почти на каждой фотке. И, кажется, это был один и тот же человек, потому что остальные присутствовали неизменно из года в год, как будто они там вообще никогда не болели, не увольнялись, не прогуливали. И только выжженный силуэт, Настя его уже узнавала. В косынке, в юбке, торчащей из-под халата, значит, женщина.

— Как же она так накосячила-то, что её везде поудалили? — Ваня смотрел через плечо, держа в руках другой раскрытый альбом. Серёга с Мышкой еще бегали.

— Вряд ли об этом напишут в таком альбоме. Он же для истории и дурацких стишков, показать, какие все офигенные, а не наоборот.

— У меня двое. — Ваня махнул своим раскрытым альбомом. — А в самом конце уже фотки без них.

— Ну правильно: накосячили и уволились... — Настя пролистала свой альбом. Выжженная пропала где-то к середине и больше уже не появлялась. Странно всё-таки расправлялись с провинившимися работниками в прошлом веке.

— Ты говорила, здесь люди пропадали. — Ваня сам не понял, зачем спросил. Наверное, эти навели на мысль.

— Я говорила, что про это место куча страшилок, одна другой глупее. Но да: таких много. Ещё с тех времен, когда фабрика работала, да и после закрытия. «Работник кондитерской фабрики не вернулся домой»... Только, знаешь, первая половина таких баек пришлась на девяностые, когда фабрику продали в частные руки, а вторая — тоже на девяностые, когда её разорили и закрыли.

— Думаешь, разборки владельцев?

— Думаю, выдумки. Такое часто пишут, когда собираются что-нибудь ликвидировать. Типа опасно здесь, граждане, так что держитесь отсюда подальше, а мы от греха всё закроем, снесём или хоть продадим...

— Я тоже читала. — Ленка нацелилась фотоаппаратом на убитую трёхногую парту. — Только там останки людей находили. Точнее...

— Одежду! — Настя сказала это с ней хором. — В Интернете полно таких страшилок. «Такого-то числа такая-то работница кондитерской фабрики не вернулась домой. Не дождавшиеся родственники пошли на фабрику. Охрана утверждала, что она

давно ушла, родственники уже собрались на поиски, но, пока возвращались по территории фабрики, нашли её одежду и обувь»...

— А ещё сумку и много фантиков от конфет! — подхватила Ленка.

— Ну ерунда же! — Настя задумчиво возюкала пальцем по очередной фотографии.

— Значит, так хорошо на выходе обыскивали! — Мышка подскочил и, спрятавшись от Серёги под партой, отмахивался очередным альбомом. — Фабрика же, производство, выносить ничего нельзя, их и обыскивали на выходе. Вот и перестарались чуть-чуть. Отобрали всю одежду, и сумку, и обувь. А тётка со стыда сгорела так: «Пш-ш!», — и нету!

— Дурак... — Настя вертела в руках альбом. — Эти истории все одинаковые, никакой фантазии! И ещё фантики: ну бред же!

— У многих маньяков есть почерк, — заметил Ваня. — Так и норвят сделать что-нибудь странное: цветочек оставить или вот, например, фантик.

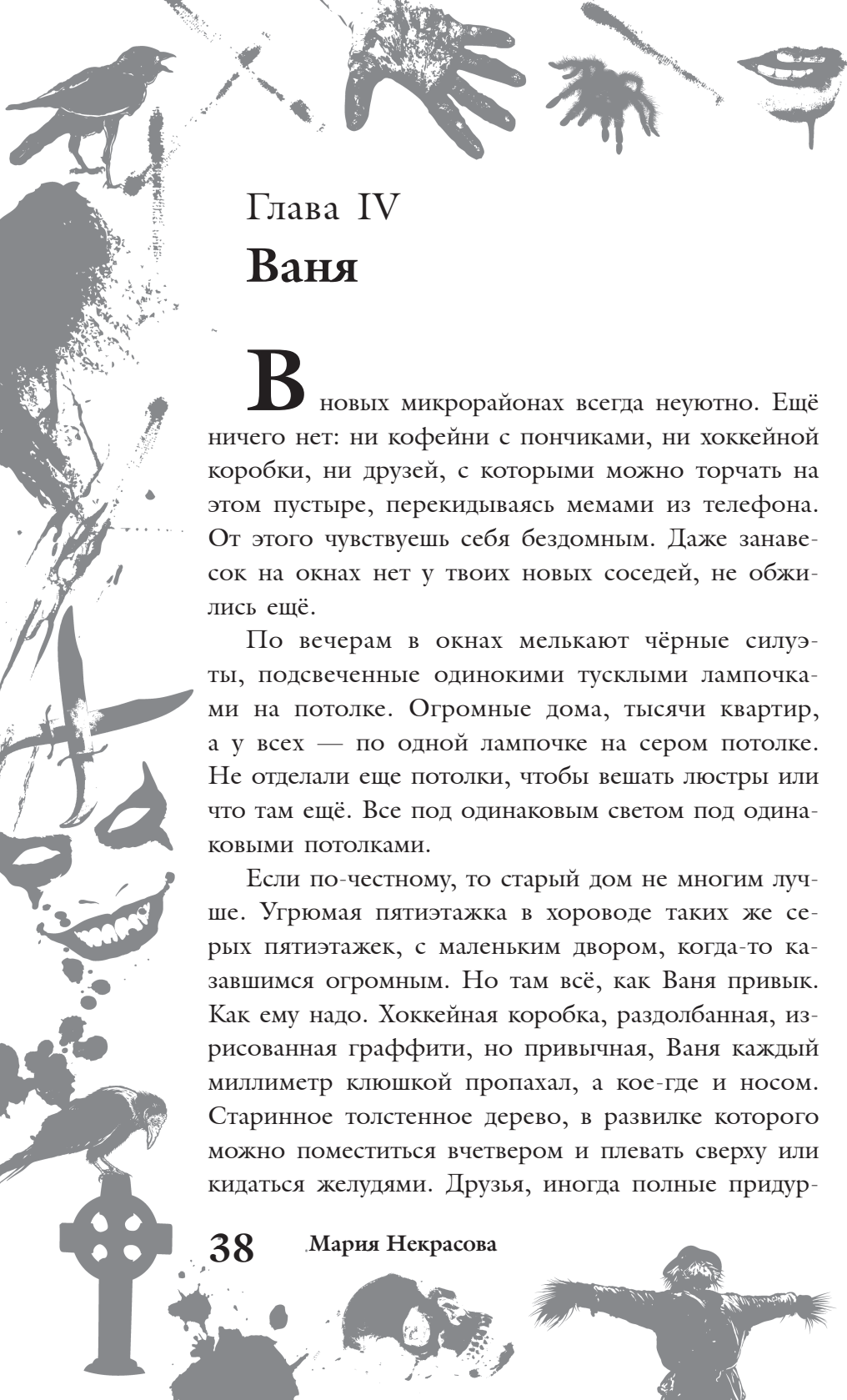
— Тогда бы тела находили. А то получается, люди пропадали гольшом, без денег и документов.

— Типичные девяностые, — хихикнул Мышка.

— Может, он хорошо их прятал, — не сдавался Ваня. — Может, мы сейчас...

...Тут на него из-под стола вылетел Мышка, двинул «Карамельщиками», получил в ответ «Бисквитчиками», и сразу забылся плохой разговор.

Глава IV

Ваня

В новых микрорайонах всегда неудобно. Ещё ничего нет: ни кофейни с пончиками, ни хоккейной коробки, ни друзей, с которыми можно торчать на этом пустыре, перекидываясь мемами из телефона. От этого чувствуешь себя бездомным. Даже занавесок на окнах нет у твоих новых соседей, не обжились ещё.

По вечерам в окнах мелькают чёрные силуэты, подсвеченные одинокими тусклыми лампочками на потолке. Огромные дома, тысячи квартир, а у всех — по одной лампочке на сером потолке. Не отделали еще потолки, чтобы вешать люстры или что там ещё. Все под одинаковым светом под одинаковыми потолками.

Если по-честному, то старый дом не многим лучше. Угрюмая пятиэтажка в хороводе таких же серых пятиэтажек, с маленьким двором, когда-то казавшимся огромным. Но там всё, как Ваня привык. Как ему надо. Хоккейная коробка, раздолбанная, изрисованная граффити, но привычная, Ваня каждый миллиметр клюшкой пропахал, а кое-где и носом. Старинное толстенное дерево, в развилке которого можно поместиться вчетвером и плевать сверху или кидаться желудями. Друзья, иногда полные придур-

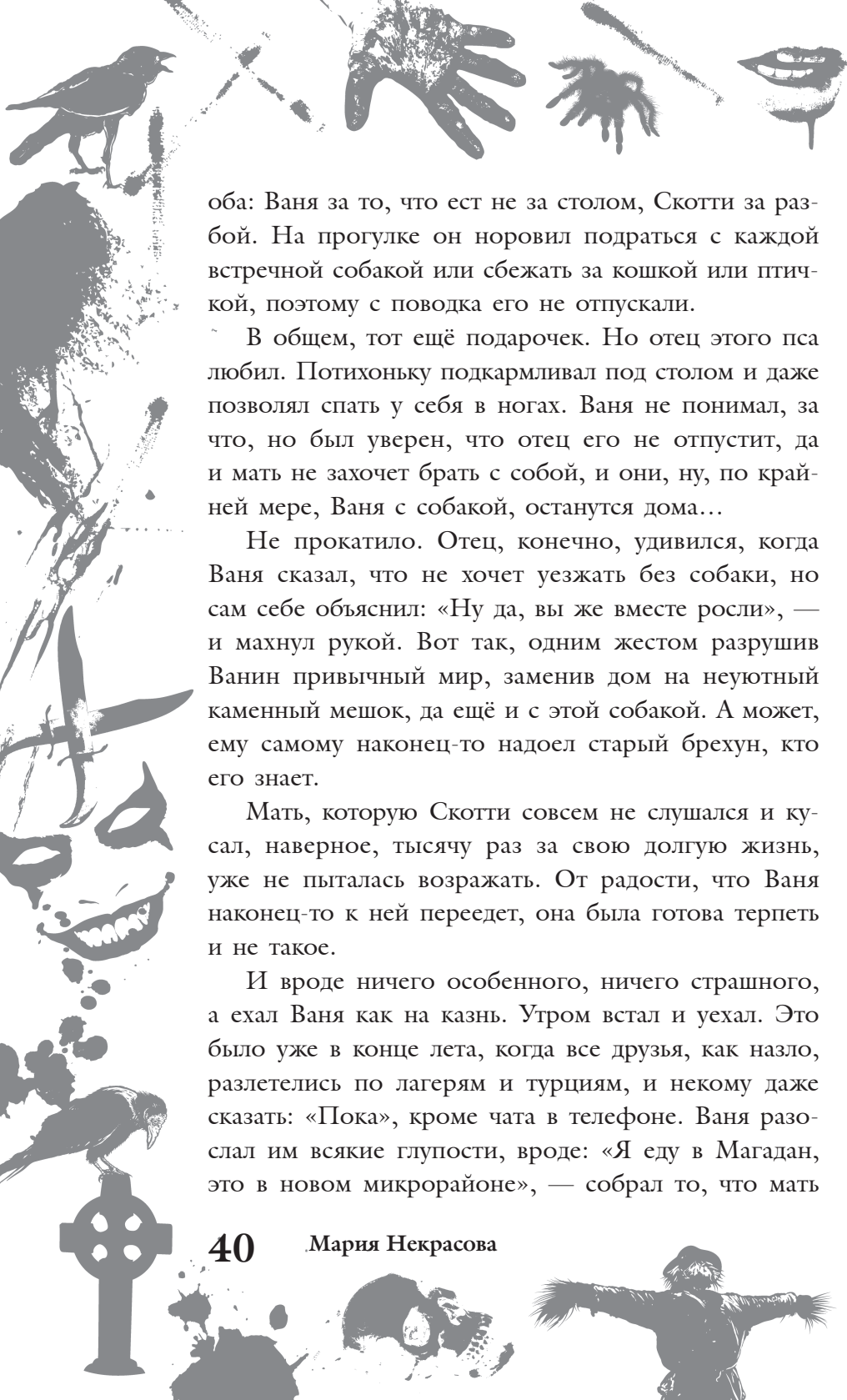
ки, а не иногда — просто придурки, но свои же. Человек в шестнадцать лет, конечно, хочет изменить мир, но не тот, что вокруг, а где-нибудь подальше, чтобы его самого не коснулось. Тот мир, где хоккейная коробка, дерево, надпись «Спартак» в подъезде, должен быть вечно, или хотя бы ещё полгода и ещё чуть-чуть. А то в новых декорациях чувствуешь себя пусто.

После развода родители разделили имущество: отцу — собака и старая квартира, матери — Ваня и новая квартира в этом необжитом человеинике. Не хотел ехать. Полгода упирался, юлил, отговаривался. «Не хочу менять школу в середине года, вот лето наступит, тогда...»; «Не хочу в этот каменный мешок, вот сделаешь ремонт, тогда...». Но лето наступило, и впервые в жизни Ваня был не рад. Ремонт был сделан с рекордной скоростью, и отступать оказалось уже некуда. Тогда Ваня придумал: «Не хочу ехать без собаки», — в надежде, что отец ни за что не отдаст своего обожаемого Скотти.

Скотти — спаниель, древний, как мамонт, старше Вани, давно лишившийся слуха, но сохранивший склочный характер. Он любил раскидать свой корм на пороге кухни и никого не пускать. Его корм, его территория, он защищает своё, а вы как хотите. Чтобы попасть на кухню, приходилось ждать отца, спаниель слушался только его, и то через раз.

Когда Ваня был маленьким, Скотти зажимал его в углу и отбирал печенки. От отца потом получали

оба: Ваня за то, что ест не за столом, Скотти за разбой. На прогулке он норовил подраться с каждой встречной собакой или сбежать за кошкой или птичкой, поэтому с поводка его не отпускали.

В общем, тот ещё подарочек. Но отец этого пса любил. Потихоньку подкармливал под столом и даже позволял спать у себя в ногах. Ваня не понимал, за что, но был уверен, что отец его не отпустит, да и мать не захочет брать с собой, и они, ну, по крайней мере, Ваня с собакой, останутся дома...

Не прокатило. Отец, конечно, удивился, когда Ваня сказал, что не хочет уезжать без собаки, но сам себе объяснил: «Ну да, вы же вместе росли», — и махнул рукой. Вот так, одним жестом разрушив Ванин привычный мир, заменив дом на неудобный каменный мешок, да ещё и с этой собакой. А может, ему самому наконец-то надоел старый брехун, кто его знает.

Мать, которую Скотти совсем не слушался и кусал, наверное, тысячу раз за свою долгую жизнь, уже не пыталась возражать. От радости, что Ваня наконец-то к ней переедет, она была готова терпеть и не такое.

И вроде ничего особенного, ничего страшного, а ехал Ваня как на казнь. Утром встал и уехал. Это было уже в конце лета, когда все друзья, как назло, разлетелись по лагерям и турциям, и некому даже сказать: «Пока», кроме чата в телефоне. Ваня разослал им всякие глупости, вроде: «Я еду в Магадан, это в новом микрорайоне», — собрал то, что мать

не успела увезти вчера. Долго запикивал Скотти в переноску, и без покусов не обошлось. Отца будить не стал: он в курсе. Вызвал такси и поехал.

...И, конечно, первое, что сделал старый склочник на новом месте — это пропал. Нельзя просто так взять и не создать человеку проблем, особенно, когда их и так по горло! Ваня ещё даже вещи не разобрал, хотя был уже вечер. Казалось, пока чемодан стоит на виду, ты здесь не навсегда. Глупость, а легче.

Ваня сидел на новом, неудобном, не примятом, как надо, диване, листал в телефоне всякую ерунду. Хлопнула входная дверь, мать позвала его из прихожей. Она сама повела Скотти гулять («Может, наконец-то ко мне привыкнет»), и теперь стояла в дверях с обрывком поводка.

— За крысой погнался старый хрыч! Здесь вот такущие крысы, Ванька! — она показала руками размер самого Скотти. — Звери. Никогда не видела раньше, не иначе новый магазин с собой привёз. — Она не выглядела расстроенной, скорее удивлённой. Должно быть, крыса и вправду была здоровенная. — Идём. Далеко не убежит с его-то лапами. Фигня этот поводок. — Она швырнула обрывок поводка на тумбочку и, пока Ваня обувался, искала, чем бы заменить. Вроде нашла какой-то ремень.

Ваня побрёл за ней во двор, ругая про себя склочного пса и мать, хоть она и ни при чём.

У подъезда на лавочке сидели бабульки, Ваня отстранённо подумал, что их, наверное, в комплекте

привозят, чтобы к каждой лавочке своя бабка. Даже развеселился, хотя с чего бы. Отец убьёт!

— Ты отцу пока не говори. — Кажется, мать думала о том же самом. — Далеко не мог убежать, найдём!

По детской площадке шастали малыши, их мамы чинно сидели на лавочках. Ваня пробежался туда-сюда, высматривая рыжую спину. Хотя нет, если бы собака, да еще и бесхозная, забежала на детскую площадку, мамы подняли бы крик.

С трёх сторон двор окружали многоэтажки. Если та крыса и правда была из магазина... Они зашли в магазин, в другой, сбежали в соседний двор и даже во двор только строящегося дома. Мать пыталась прохожих и всё повторяла это своё: «Отцу пока не говори».

За дворами был огромный пустырь, он просматривался, наверное, на километр вперёд. Трава, строительный мусор, далеко-далеко впереди какая-то огороженная территория, Скотти бы не добежал, он старый.

...Потом они опять вернулись во двор, порасспросили всех бабушек на лавочке. Зря. Скотти они не видели, точнее, видели, как он с матерью выходил, а потом нет, зато настроения «прибавили»!

— У меня тоже на днях собачка пропала, — поделилась бабулька в смешном сарафане с авокадо. — Всегда гуляла без поводка, всегда рядом была, от меня ни на шаг, а тут...

— А у Федотовых кошка из окна выскочила, — добавила вторая, в тряпичных домашних тапочках. Выпрыгнула, приземлилась на лапки и — деру! Лена из дома-то выбежать не успела, как след простыл.

— Будто кто-то нарочно сманивает! — закивала первая.

Мать слушала, открыв рот, а Ваня думал, откуда они всё знают, дом-то новый, только заселились все, где-то вообще квартиры пустые, ещё никто никого в глаза не видел, а эти уже...

— Откуда вы знаете?! — получилось глуповато и грубо. Но помогло: мать на него зашикала и повела прочь, искать собаку, а не болтать тут о грустном, ещё больше портя себе настроение. Что они вообще хотели добиться? Посочувствовать так? Теперь Ваня злился ещё и на бабулек.

Они бродили по дворам дотемна, как заводные машинки: туда, сюда, по кругу. Никто не видел собаку.

...Уже за полночь, уже дома, пытаюсь уснуть на новом дурацком диване в новой дурацкой комнате, он ворочался и думал, что Скотти ему правда будет не хватать. Да, злющий склочный пёс, а Ваня не помнит себя без него. Это очень странно, когда уходит тот, без кого ты себя не помнишь. Жизнь изменилась. Всё уже не будет, как прежде.

Ваня встал, подошёл к окну и бессмысленно уставился на пустой двор. Детская площадка освещалась аккуратненькими сине-белыми фонарика-

ми. Никого уже не было, кроме одинокого старика самого комичного вида. Больше всего Ваню поразил наброшенный на плечи грязноватый белый халат. Старикан сидел на скамейке и хлопал в ладоши, будто аплодирует невидимому артисту. Ваня даже прижался к стеклу, посмотреть, кто там ещё. Никого. Маленький двор из окна виден весь как на ладони.

Он уже хотел отойти, пойти хоть чаю сделать, если не спится, но увидел кое-что ещё. Из-под закрытого магазина, из подвала, со стороны помойки, отовсюду к старику стекались-сбегались маленькие темные пятна, наверное, с ладонь величиной. Они передвигались прыжками, как белки, только без пушистых хвостов. Были хвосты! В свете фонарей их можно было разглядеть: тоненькие, лысые... Крысы! Странный старичок хлопками приманивал крыс.

Хотелось протереть глаза и правда пойти хлебнуть чаю, а лучше кофе, Ваня всё равно теперь не уснёт. Но старик не отпускал. На секунду показалось, что он поднял глаза и подмигнул Ване, но это показалось, движение глаз он бы не разглядел с седьмого этажа.

...Потом старик встал и пошёл прочь. Туда, в сторону пустыря, туда, где эта странная огороженная территория, куда они с матерью не пошли, потому что далеко, Скотти не добежал бы. Крысы бежали за стариком маленькой стайкой, как собачонки. Пустырь тонул в темноте, и дед с крысами будто утонул: сделал шаг — и нету, приснился. Ваня ещё

видел несколько отставших крыс, а сам уже думал, что спит, что не бывает же так, в самом деле!

Он ещё постоял, глядя на чёрное пятно пустыря, потом пошёл на кухню и долго пил кофе. Скотти пропал. Он погнался за крысой.

Глава V

Учебный корпус изнутри оказался маленьким и предсказуемо скучным. Ребята только заглянули ещё в добрый десяток точно таких же унылых, убитых классов, казавшихся просторными из-за отсутствующих парт. Прошли корпус насквозь и вышли с другого конца в пустой дверной проём. Здесь так же колыхалась нескошенная трава, впереди угрюмыми горами торчали другие корпуса, должно быть, из-за них казалось, что уже темнеет. Ваня задрал голову:
— Кажется, дождь собирается.

Небо действительно заволокло тяжёлыми, почти чёрными тучами. Темнело на глазах, хотя на дворе был белый день.

— А я обещал вернуться домой засветло. — Серёга вытер лицо: первые капельки уже падали. В небе сверкнула молния.

— Бежим, пока не ливануло! — Мышка нырнул в высокую траву и первый ворвался в следующий корпус.

Последней бежала Ленка, и дождь уже лил, когда она нырнула за дверь с кривой табличкой «Бисквитный цех». Она вбежала, хлюпая мокрыми кедами, на пол с неё тут же налилась лужа.

— Ну вот, заболею в школу не пойду.

— А так хотелось! — дразнился Мышка. Он был сухой и очень собой довольный. Ленка подняла с живописного пола какой-то мелкий мусор, запустила в Мышку, но не попала.

Когда-то здесь была жизнь. Огромное помещение, хоть в футбол играй, с огромными окнами и высоким потолком, выглядело странно тёмным, должно быть из-за туч на улице. Наверное, тут были станки, но сейчас от них остались только воспоминания и огромная площадь замусоренного пола. Мелкие бумажки, тряпки, в одной из которых угадывался бывший белый халат, даже цветочные горшки с землёй.

— А бродяги здесь всё-таки есть! — Серёга пнул бывшую засаленную кепку. — Мы ворвались в чужую гардеробную.

Ваня достал телефон и посветил под ноги. Похоже, Серёга прав. Барахло на полу было, в основном, одеждой. Грязные, когда-то белые халаты в ржавых пятнах, но это понятно: работники оставили, странно только, что здесь, а не в раздевалке, например. Куртка, джинсы, шуба, вроде...

Когда в луч телефона попала шуба, Ленка взвизгнула и отпрыгнула назад.

— Ты чего? — Ваня подошел ближе. Настя и Серёга уже доставали телефоны, чтобы тоже подсветить и разглядеть это, Мышка подошел так. Вспыхнуло еще два фонарика. Беспощадный белый свет показал то, что Ваня принял за шубу. Шкура собаки. Целехонькая, с тем, что когда-то было головой, хвостом, лапами, только пустая, будто выеденная изнутри. Она лежала распротёртой на чьих-то джинсах, будто шкура медведя у камина, только без стеклянных глаз, и от этого...

— Уберите! — Ленка стояла шагах в пяти и старательно отворачивалась. — Меня сейчас вырвет.

Все повыключали фонарики: кому охота на это смотреть. Темно стало почти по-настоящему, по-ночному, в окна проникал очень тусклый свет с улицы. На улице ударил гром.

— Бродяги едят собак, — задумчиво сказал Серёга. — Ты не знала?

— Кто тебе сказал, что я хотела это знать?

— Ну это хотя бы не твоя? — спросил Мышка. Ваня молча замахнулся на него телефоном.

— Пойдёмте отсюда, а? — Ленка и правда выглядела неважно. Мокрая, жалкая, трясущаяся то ли от холода, то ли от увиденного. — Сейчас из-за дождя эти, — она кивнула на бывшую собаку, — побегут домой, а тут мы...

— И что они нам сделают?

— Ой, смелый нашёлся! Откуда ты знаешь, сколько их, и что у них в башке, если собак едят! — Настя сперва лягнула, а потом подумала о пропав-

ших людях. Одно дело — читать страшилки в интернете, а другое — стоять в цеху заброшенной фабрики рядом с выпотрошенной собакой и знать, что тот, кто это сделал, может скоро вернуться. Ленка включила фонарик, осветила на пол и прощнулась, как будто раньше не видела:

— Одежда! Вы мне не верили, тут одежда!

— Так! Хватит этих баек из интернета... — Настя сказала, чтобы обстановку разрядить, а сделала хуже.

Ленка забегала лучом по грязным бесхозным тряпкам. Тут и там были странные ржавые пятна, похожие на старую кровь. Луч двигался хаотично, туда-сюда, рука у Ленки подрагивала. А всё равно пятна успевали отпечататься на сетчатке, всё равно успевали попасть в луч, как будто специально лезли на глаза.

— Не сходите с ума, девчонки! На улице дождь. Может, я и смелый, но мне совсем не хочется промокнуть. — Серёга кивнул за окно.

— Давайте хоть отсюда отойдём! — Ленка перешла на шёпот. В этом огромном полутёмном месте казалось, что их могут слышать из любого угла, что кто-то здесь уже может быть, кроме них.

— Взять на заметку: не показывать Ленке дохлых животных. От этого она теряет голос. — Мышка включил фонарик на телефоне и пошёл вперёд, светя под ноги. Остальные молча двинулись за ним, стараясь не наступать на подножный мусор.

Бывшую собаку обходили далеко, даже бесстрашный Серёга.

— Всё-таки странное место для бродяг. — Он тоже перешёл на шёпот, наверное, это заразно. — Холодно, и место слишком открытое, вот что. Здесь полно кабинетиков, уютных закутков, может, даже без окон помещение найдётся. А эти — на открытом месте, как на ладони.

— А кого им бояться-то?

— Холода.

В цеху и правда было прохладно. Наверное, дело в дожде, из-за него похолодало. По огромному помещению гулял сквознячок, маленький, ледяной, он будто забивался под кожу. И запах. Продуваемый пустыми окнами цех душил странным запахом железа, пота и карамели, как будто он вьелся в стены и никак не может выветриться.

— ...И еще рисунков на стенах нет, — закончил Серёга.

— Дались тебе эти рисунки!

— А вот и дались! Любая заброшка — магнит для уличных художников, откуда ещё не прогонят-то! А здесь — ничего. Ни надписи, ни рожицы. Я сперва внимания не обратил, а потом подумал: «Что-то не то». Стал приглядываться специально: нет рисунков. А она сколько стоит, эта заброшка, лет двадцать? Да за это время...

— Значит, нет у нас поблизости художников, вот и всё.

— ...А ещё бродяги сдали бы железо на металлолом. — Серёга кивнул на трубы, тут и там пересекающие цех.

— Значит, не дотянулись, или недавно здесь... — Мышка вяло спорил, наверное, для того, чтобы поспорить. Луч его телефона пересекло что-то маленькое. Оно передвигалось по замусоренному полу короткими прыжками, за ним тянулась тонкая ниточка хвоста.

— Крыска! — Мышка сказал это таким умильным голосом, что Ваня хрюкнул. — Видите, здесь всё-таки есть жизнь! Нормальная человеческая заброска: бродяги, крысы, мусор всякий. И нечего выдумывать.

Огромный неудобный цех уже остался позади. Ребята шли по длинному узкому коридорчику, утыканному дверями. На некоторых даже сохранились таблички.

— Женская раздевалка, — прочёл Мышка на двери. — Всегда мечтал побывать. — Он толкнул дверь и вошёл.

Помещение оказалось неожиданно маленьким, наверное, с комнату обычной городской квартиры. Крошечное окошко под самым потолком не давало никакого света. Но луча Мышкиного фонарика хватало, чтобы осветить всё. Остатки скамеек, крючков на стенах, нелепый цветочный горшок на высоком подоконнике и добрый десяток крыс, поедающих что-то внизу под батареями.

— Фу! — Мышка выключил фонарь, и сразу стало темно. — Идёмте отсюда, конец моим иллюзиям! — на ощупь он стал подталкивать ребят к дверям, но только разбудил любопытство.

— Что там? — Ваня вывернулся из Мышкиного захвата, достал телефон и осветил. Туда, под батарею, которую всякие уважающие себя бродяги срезали бы первым делом. Туда, где копошились крысы. Ваня-то не Мышка, Ваня сразу разглядел, что они ели.

— Я домой. — Ваня пнул очередную тряпку под ногами, и ему на секунду стало легче от этих простых слов. Вот так вот запросто: «Я домой», — и всё. Больше не хотелось путешествовать по этой заброшке. Он нашёл, что искал. Лучше б не находил. Плевать на дождь, при чём тут дождь вообще?

— Ты чего? — Мышка обернулся, светя телефоном в глаза. — Струсил, что ли?

Всё-таки Мышка дурак. Ваня, конечно, мог бы ему объяснить, но слова не лезли. Да и не хотелось, не надо. А то ещё девчонки начнут его жалеть, это унижает. И вообще, не их это дело.

— Не твоё дело. — Он обошёл Мышку, вышел в коридор и пошёл вперёд, должен же быть там какой-то выход.

Все встали, будто нарочно пропуская его, скорее от растерянности: что на него нашло-то?

— Ты что?

— Обиделся, что ли?

— Вань, коридор-то один. Вроде... Погоди, сейчас все дойдём.

Наверное, надо было им объяснить, а то правда глупо как-то. Не хотелось. Навалилась такая апатия, хоть режь его, он не сможет выдать из себя три слова: «Там моя собака».

А остальные так и стояли, разинув рот, слушая, как удаляются по коридору Ванины шаги под шум дождя.

— Дождь же! Да ты чего?!

Шаги стихли. Несколько секунд ребята молча переглядывались, как будто спрашивая друг друга: что он там, уже выход нашёл, или передумал, или...

Ваня коротко вскрикнул из темноты. Негромко, так, скорее от неожиданности, чем от испуга.

— Ты чего? — Мышка направил на него луч.

Ваня стоял шагах в десяти спиной к ребятам, просто стоял, наверное, вглядываясь во что-то впереди себя.

— Да что там, аё! — Все будто разом ожили. Затопали, подбежали к Ване, включили фонарики на телефонах, хотя Мышкиного хватало, наперебой стали светить: на Ваню, на стену, на грязный пол... Он стоял, уставившись дальше в коридор, в пустое место, если не считать стен, пола и потолка да парочки дверей на пути...

— И как вы объясните своё дурацкое поведение? — Серёга дёрнул его за рукав, и Ваня будто проснулся.

— Я видел его!

Четыре луча фонариков зашарили по стенам и полу. Никому не хотелось встретиться здесь с незнакомцем.

— Кого? Бродягу?

— Этого, с крысами. Он мелькнул и пропал, как тогда... — Все непонимающе уставились на Ваню. Ну да, они ж не знают! Кое-как, сбиваясь, он рассказал ребятам, что видел ночью из окна.

— ...и сейчас он был здесь. Вот так вот мимо меня прошёл. — Ваня провёл рукой, пересекая коридор и указав на стену.

— Ну ты даёшь! — Мышка хихикнул и пнул стену ногой. На светлой краске остался грязноватый след. — Призрак прошёл сквозь стену, «Оскара» Ване!

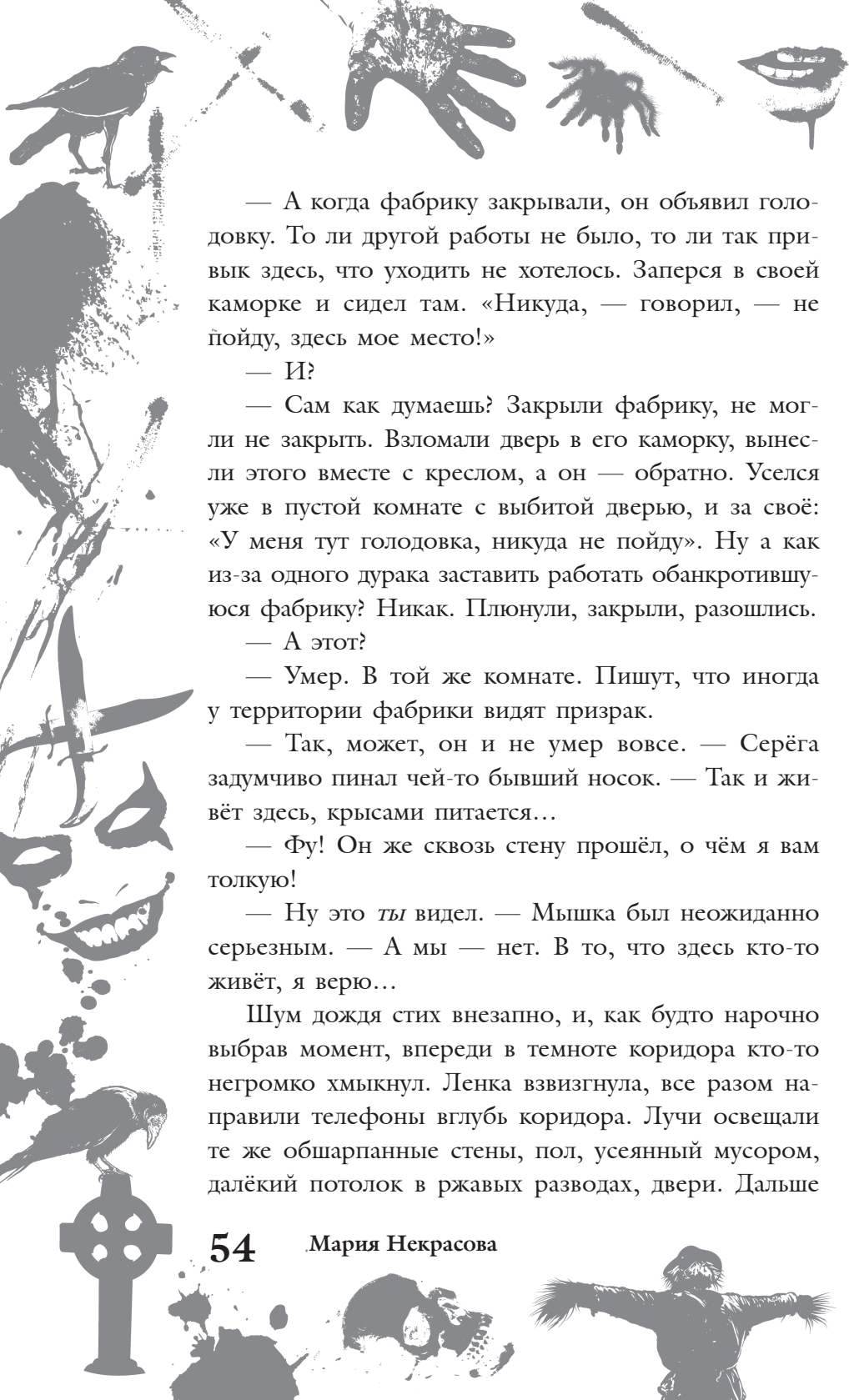
— Я тоже чуть не поверил, — улыбнулся Серёга. — У тебя было такое лицо. — Он вытаращил глаза и распахнул рот. — Прямо оживший Мунк.

— Но я правда видел! И сейчас и тогда... — Они смеялись. Было не обидно, просто...

— Я читала о нём. — Ленка сказала так серьёзно, что эти двое тут же умолкли. — Призрак сторожа, не слышали? В общем, когда фабрика ещё работала, но уже еле дышала, был здесь сторож. Злющий был, всех на выходе обыскивал до трусов, да ещё и врезать норовил. Говорят, даже убил кого-то, только не смогли доказать.

— Ты описываешь обычного магазинного охранника. — Мышка плюнул на стену, показывая, что он не верит, и наблюдал, как стекает плевок.

— А когда фабрику закрывали, он объявил голодовку. То ли другой работы не было, то ли так привык здесь, что уходить не хотелось. Заперся в своей каморке и сидел там. «Никуда, — говорил, — не пойду, здесь мое место!»

— И?

— Сам как думаешь? Закрыли фабрику, не могли не закрыть. Взломали дверь в его каморку, вынесли этого вместе с креслом, а он — обратно. Уселся уже в пустой комнате с выбитой дверью, и за своё: «У меня тут голодовка, никуда не пойду». Ну а как из-за одного дурака заставить работать обанкротившуюся фабрику? Никак. Плюнули, закрыли, разошлись.

— А этот?

— Умер. В той же комнате. Пишут, что иногда у территории фабрики видят призрак.

— Так, может, он и не умер вовсе. — Серёга задумчиво пинал чей-то бывший носок. — Так и живёт здесь, крысами питается...

— Фу! Он же сквозь стену прошёл, о чём я вам толкую!

— Ну это *ты* видел. — Мышка был неожиданно серьёзным. — А мы — нет. В то, что здесь кто-то живёт, я верю...

Шум дождя стих внезапно, и, как будто нарочно выбрав момент, впереди в темноте коридора кто-то негромко хмыкнул. Ленка взвизгнула, все разом направили телефоны вглубь коридора. Лучи освещали те же обшарпанные стены, пол, усеянный мусором, далёкий потолок в ржавых разводах, двери. Дальше

была темнота, они ни во что не упирались, эти лучи, рассеивались и тонули.

— Пойдёмте-ка обратно, а? — Серёга открыл очередную дверь, наверное, чтобы убедиться, что за ней никто не прячется. — Кто бы он там ни был, я не хочу с ним встречаться.

— Да бомжара это, а ты и уши развесил. — Мышка опять плюнул под ноги. — Сидит, небось, и сам трясется: «Страшные подростки, укусят». Мы не укусим! Мы на экскурсию! — он крикнул это в коридор, громко, аж эхо ответило. Наверное, все разом, прислушались.

— Тихо...

— Говорю ж: боится, вот и не отвечает. Идём, выход должен быть рядом.

— Я домой. — Повторил Ваня. Он развернулся и пошёл обратно. Серёга и девчонки, не сговариваясь, пошли за ним. Никому было неохота связываться с неизвестным в тёмной заброшке. Это только в кино дураки бегут на подозрительный звук, когда надо с воплями бежать в другую сторону.

— Вы куда? Вон же выход! — Мышка пробежал несколько шагов, толкнул невидимую дверь и пропал.

Ленка это заметила, потому что шла, всё время оборачиваясь на Мышку. Было страшновато за этого дурака, которого так и тянет куда не надо. Она крикнула остальным. Все обернулись и зашарили фонариками по стенам.

— И куда он делся?

— На улицу. Похоже, и правда... — В открытую дверь одного из кабинетов влетел маленький камешек, прямо Серёге под ноги.

— Давайте сюда, Фомы неверующие! — Невидимый за высоким окном Мышка кричал с улицы. — «Умный в гору не пойдёт, умный гору обойдёт», — сказал муравей, подбегая к рельсам. Рядом выход, ну?

Чувствуя себя полными дураками, ребята побежали обратно. Уже не думалось про загадочного невидимку, который хмыкнул там, в темноте, даже Ленка забыла о призраке. Выход-то вот он, рядом, Мышка-то на улице уже. Серёга толкал все подряд двери, пока не нашёл нужную.

Они выскочили на воздух, в лицо пахнуло прохладным ветерком. Было ещё странно-темно из-за туч, но дождя уже не было. Только мокрая трава по пояс, противно, а всё равно.

— Свобода! Спасибо, Сусанин! — Настя дурашливо завопила и побежала обнимать Мышку. Он стал удирать от неё кругами. Ленка смеялась и фотографировала корпус, совсем не страшный снаружи. Ваня, наверное, в тысячный раз повторил: «Я домой», но услышал его только Серёга. И понял. Он тоже не слепой.

— Собаку нашёл?

Ваня кивнул. Он хотел ещё что-то сказать, но слова застревали. Повернулся и пошёл.

Глава VI

Серёга

Он был не злой, даже не пьющий. Просто иногда взрослые устают. Устают быть хорошими, устают притворяться, что всё в порядке, особенно, если никому это не нужно, как им кажется. «Просто ему стыдно, что у меня хорошая работа», — странно объясняла мать, натягивая повыше горловину свитера, чтобы скрыть шею. Стыдно, что у него самого нет работы, вот уже несколько лет. Так получилось. Все хотят многорукого выпускника «Хогвартса» и чтобы работал за похлёбку, а он человек, он так не может. Стыдно, что живут они чёрте где, что машина старая, что он в доме как будто и не хозяин без работы-то. Чтобы был «хозяин», надо периодически напоминать, кто в доме хозяин. И он напоминал.

Не сразу. Люди не слетают с катушек за один день. Просто усталость, как и злость, накапливается. Сперва мать его раздражала по мелочам: «Не мельтеши!», «Не мешай!», «Не трогай!». За этим следовали словечки, за которые девчонки в школе бьют по губам, но это же просто слова, на то он и взрослый, чтобы снимать стресс словами. У Серёги-то была тренировка, друзья, соцсети, а у него... Потом он швырнул на пол тарелку горячего супа («Недосолила!»),

и Серёга с матерью долго отмывали стены. Потом долго извинялся, ссылаясь почему-то на футбол (кто-то кому-то проиграл), даже пытался помочь со стенами, но быстро передумал. И вроде ничего особенного, они даже со смехом об этом вспоминали потом. До того жаркого июльского дня, когда мать надела кофту с длинным рукавом. Серёга не хотел понимать, да он даже не заметил сперва, дня два она так проходила, пока до него дошло.

Он носился с друзьями во дворе, гонял в футбол. Был уже вечер, а солнце жарило, все были без футболок, хотелось стащить с себя ещё и кожу, чтобы было не так жарко. И тут мать: идёт домой через двор, в этой кофте с длинным рукавом. Серёга и тогда не сразу понял. Просто подбежал, как обычно, просто спросил, потому что удивился, с него-то уже семь потов сошло, а она...

— Тебе не жарко?

Она изменилась в лице, как будто её поймали на чем-то нехорошем, её, не отца. ...И горло тоже было закрыто. Тонким летним, но всё равно неуместным в этой жаре шарфом.

Первой реакцией было: «Убью!» Короткое слово, как будто оно может что-то решить. Серёга бегом взлетел на свой третий этаж, мать бежала следом и кричала почему-то: «Ты не так понял!», — хотя понял он уже достаточно. Отец ждал их на пороге. Бритый, в кои-то веки, с пылесосом, чего вообще не бывает. Сказал:

